

³ Очевидно, Илья Абрамович Гринман, писавший в сентябре 1905 г. портрет Горького (ныне хранится в музее ИРЛИ).

⁴ Портрет Андреева в красной рубашке, написанный Репиным, был экспонирован на Передвижной выставке 1906 г. Речь идет, по всей вероятности, о портрете, находящемся в настоящее время в омском Художественном музее (см. воспроизведение его на стр. 375 настоящего тома); до этого, в 1904 г., Репин написал портрет Андреева, хранящийся ныне в Государственной Третьяковской галерее (Москва).

12. К. П. ЗЛИНЧЕНКО

КОМИТЕТ ПОМОЩИ БЕЗРАБОТНЫМ

Это было в тот момент, когда Россия представляла ужасную картину... Расстрелы, казни, карательные экспедиции и сотни тысяч рабочих, выбрасываемых на улицу.

Это был 1906 год!

Страшная, кровавая контрреволюция все выше поднимала свою голову.

Чем можно было тогда помочь все возраставшим массам безработных стачечников, выброшенных на улицу контрреволюционной волной?..

Не помню в каком месяце товарищ Сергей Малышев, теперь «красный купец»¹, образовал в Питере известный в истории революции 1905 года «Совет безработных»... Мне же пришлось принять участие в образовании «Комитета помощи безработным» за границей.

Вместе с несколькими товарищами мы образовали такой Комитет в Лозанне. В него вошел также и писатель Леонид Андреев, отозвавшийся из Глиона на посланное ему воззвание Комитета.

«Учредительное собрание» этого Комитета решило опубликовать в заграничных социалистических газетах воззвание, обращенное «К рабочим Швейцарии».

С проектом этого возвания мне и было поручено отправиться к Леониду Андрееву для получения его подписи.

Приехав поездом в Монтре, я пересел на фуникулер и среди весенней растительности, огромных кустов разноцветных душистых роз, тянувшихся вдоль горной линии, подымался все выше над озером и прибрежными городками в Глион, где жил Андреев.

Фуникулер медленно полз вверх по зубчатым рельсам.

Участие или даже только имя Леонида Андреева казалось мне тогда главной основой строящегося здания стачечного комитета, и я возлагал на этого известного в Европе писателя — друга Горького — большие надежды.

Долго я искал отель «Монт-Флери», где жил писатель.

Наконец встретившийся швейцар в позументах сказал мне, что Андреев гуляет, и предложил подождать в салоне.

Прошло минут десять. Я переживал закравшееся в меня волнение от предстоящей встречи. Вдруг в салон быстрой и стройной походкой вошел Андреев в синей русской рубашке, подвязанной шнурком, с белой соломенной шляпой в руках.

Я сразу узнал Андреева, зная его только по портретам.

Красивый, с большой шевелюрой черных волнистых волос, со сверкающими умными глазами, писатель произвел на меня такое впечатление, что сердце забилось свободнее, и в груди стало легко и спокойно.

— Вы ко мне?.. Рад с вами познакомиться, — ласково произнес Андреев, пожимая руку. — Пойдемте ко мне... Мы гуляли в саду...

И Андреев увлек меня по коридорам отеля, расспрашивая о Комитете.

Вдруг в одном из поворотов я увидел перед собой человека, так похожего на Горького, что сразу узнал и его.

Горький в обычной темной блузе стоял в задумчивой позе, видимо, поджидая Андреева, и своими, как мне казалось, грустными глазами с оттенком где-то в глубине души затаенного страдания смотрел мне прямо в лицо.

Я остановился в нерешительности от такой неожиданной встречи, невольно вглядываясь в это особенное выражение его лица и глаз. Чувство несказанной спокойной радости, почти не проявлявшейся наружу, охватило меня.

«Горький!.. Это тот самый Горький!» — подумал я.

И имя это и выражение его задумчивых глаз слились в моем сознании с идеей мирового стачечного союза, внушая полную уверенность в возможность реализации такого учреждения при помощи этого пролетарского писателя мировой известности и огромного влияния в социалистических кругах.

Андреев, на секунду зачем-то уклонившийся в сторону, познакомил меня со своим другом.

— Вот это и есть основатель комитета безработных, — произнес он все с тем же жизнерадостным оживлением весеннего солнечного дня.

С большим чувством пожал я руку Горького, по странной ассоциации сравнивая его с Львом Толстым.

— Ко мне или в столовую? — обратился Андреев к Горькому.

— Будете обедать с нами? — спросил Горький, видимо, желая этого. Вероятно Андреев успел уже заинтересовать его только что образовавшимся Комитетом.

Я согласился, но заметил, что хочу познакомить Андреева как члена Комитета с протоколами собрания и с новым воззванием «К рабочим Швейцарии».

— Там и познакомите... Кстати, и Горький послушает! — сказал Андреев, пробуждая во мне всё большую надежду, что и Алексей Максимович подпишет воззвание.

Андреев приоткрыл дверь в свое помещение и пригласил еще кого-то обедать.

В небольшой красивой столовой с несколькими изящно сервированными столами мы заняли угловой стол. Было до или после общего обеда, и потому в столовой никого, кроме нас, не было. Вошел еще какой-то молодой человек, с которым Андреев познакомил меня.

В новом костюме по случаю своего визита я чувствовал себя несколько смущенным среди этих двух «блузников» и, чтобы подавить смущение, поторопился спросить, желают ли они выслушать мой доклад.

Горький и Андреев изъявили согласие.

Краснея и все еще волнуясь, я развернул целую кучу документов и, читая их в последовательном порядке, стал развивать план образования швейцарского комитета.

Горячась и увлекаясь рисовавшейся мне идеей, я ясно развил свою мысль о важности «материальной и моральной солидарности разнородных рабочих друг к другу и об особенной важности в настоящий трагический момент русской революции проявления такой солидарности по отношению к пролетариату России».

Писатели внимательно слушали, изучая, по-видимому, как план образования Комитета, так и самого докладчика.

Принесли первое блюдо, и доклад был прерван.

За обедом завязалась общая беседа. Горький, заинтересовавшись Лозаннской колонией, расспрашивал о ее жизни.

Когда подали кофе, я вновь взялся за свой пакет с бумагами. Освоившись, я был гораздо смелее.

Окончив доклад, я прочел воззвание «К рабочим Швейцарии» в двух

редакциях — своей и в редакции «Комиссии учредителей», урезавшей его в наиболее сильных местах.

— Мне больше нравится в моей редакции, — прямо заявил я, — комиссия выбросила самые сильные места. У нас пока еще, для начала, слишком разнообразный состав членов... Есть и социалисты, и кадеты, и филантропы... Необходимо привлечь побольше средств...

— Мне также нравится ваше воззвание, — сказал Горький, не возражая против состава Комитета, и протянул за ним руку.

От радостного предчувствия у меня горячо забилося сердце, но пригласить Горького в Комитет я не решался, не желая навязываться и боясь отказа. С затаенным дыханием смотрел я на Алексея Максимовича, внимательно читавшего воззвание и в задумчивости вынувшего из кармана блузы карандаш.

— Запишите и меня в члены вашего Комитета, — вдруг предложил Максим Горький, взглянув на меня серьезными, сочувствующими глазами.

Я не находил слов для выражения охватившей меня радости, понимая, что со вступлением Горького дело Комитета пойдет быстрыми и решительными шагами. Андреев, видимо, также был обрадован.

— Вы позволите мне исправить некоторые места? — спросил новый член Комитета.

Вооружившись своим карандашом, Алексей Максимович приступил к редактированию воззвания, читая его вслух:

— «... Комитет... обращается к вам с живейшей просьбой...». Лучше с горячей, — предложил он, зачеркивая «живейшей» и надписывая новое слово.

— Конечно... теперь все горячее!.. — подчеркнул и Андреев, весело смеясь.

Черкнув еще что-то в воззвании, Горький вдруг встал и, сказав, что «в уединении он это сделает лучше», перешел из столовой в смежный с нею небольшой салон отеля.

Весь сияющий, бросился я чуть ли не на шею Андрееву.

— Вот видите, какого я дал вам члена!.. Горький — это побольше Андреева... — искренно радовался печальной теперь памяти писатель, так далеко ушедший от идеалов пролетариата в Октябрьские дни.

В ожидании Горького Андреев весело стал рассказывать, как он, будучи еще студентом, наряжался в мундир с иголки и разъезжал по богатым домам собирать пожертвования и как он устраивал «благотворительные» концерты в пользу революции, надувая буржуазию и полицию.

Дверь открылась, и вошел Горький, протягивая мне два листочка бумаги — мое воззвание и другое, новое.

— Прочтите. Как вы найдете? — спросил он.

Я быстро пробежал глазами новый текст. Это было уже воззвание к рабочим Европы.

Текст моего воззвания оказался переделанным и расширенным, но сущность и даже основные формулировки остались. Заканчивалось воззвание новой боевой фразой, особенно понравившейся мне.

— Прекрасно!.. Прекрасно!.. — восклицал я, горячо сжимая руку Алексею Максимовичу.

Вот это воззвание:

«Лозаннский комитет для помощи русским безработным рабочим — вашим братьям по труду и единству цели — обращается к вам, рабочие Европы, с горячей просьбой: помогите русскому народу вашим посильным моральным и материальным содействием.

Рабочие всего мира должны помогать друг другу в общем для всех деле освобождения труда от гнета капитала и насилия власти. Эта взаимная

помощь сольет их во единую, неодолимую силу и ускорит победу справедливости над произволом, правды над ложью, человека над животным.

Русский рабочий народ решил бороться до полной победы над своим врагом. Помогите ему ускорить битву».

Горький еще раз прочел воззвание вслух и спросил Андреева:

— Ты согласен?..

— Согласен! — восторженно ответил сияющий Андреев.

АНДРЕЕВ

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г.
Музей Горького, Москва

— Ну, а теперь на прощанье давайте споем что-нибудь, — вдруг предложил развеселившийся Алексей Максимович, вышивая рюмку вина. Слабым горловым баском он затянул известную украинскую песню:

Ой, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким,
Там орала дивчиненька
Вольком черненьким...
Орала, орала,
Не вмила гукаты...

— Будет с вас!.. — весело засмеялся задохнувшийся на последнем куплете певец, не допев до конца песню, тем более что никто из нас не поддерживал его. Мы как-то не в такт только подмурлыкивали ему.

Всем было весело, все смеялись, но мне уже не терпелось: тянуло в Лозанну поделиться с Комитетом слишком важной новостью... Да и не хотелось задерживать писателей.

Я встал, еще раз горячо поблагодарил Горького и Андреева и стал прощаться <...>

Воззвание, подписанное Горьким, Андреевым и другими членами, было напечатано в «Бюллетенях» Бюро и в социалистических газетах почти всех стран в июле—августе 1906 года от имени «Международного комитета»². «Внепартийный» же «кадетский» комитет скончался, едва успев родиться вновь. Подпись Андреева стояла, однако, под обоими воззваниями. Раскол Лозаннского комитета, очевидно, подействовал на Андреева, все еще проживавшего в Глионе.

Вследствие отъезда Алексея Максимовича в Америку нам пришлось бороться и строить Международный комитет без него, в ожидании истечения тех «двух месяцев», когда он должен был вернуться и «работать вместе с нами».

Но, вернувшись, он уехал в Италию и поселился на острове Капри, где основал «Каприйскую школу».

В 1907 году Международный комитет решил издавать литературно-художественные сборники, для чего и было основано издательство «Труд и свобода».

Когда было собрано достаточно литературного материала от крупных, в большинстве социалистических, писателей Европы и Америки, Комитет обратился к Горькому с просьбой принять участие в этих сборниках и взять на себя редакцию русского сборника.

Горький ответил:

«К. Злинченко.

Укажите краткий срок выхода сборника — я пришлю рассказ.

Взять на себя редакцию — не могу, не имею времени и — главное — опыта.

Что касается приглашения моих друзей к участию в сборнике — я думаю, лучше мне не делать этого, — они откажутся, если приглашение изыдет от меня.

Уж вы сами сделайте это.

Желаю успеха.

А. Пешков³

18—8—07»

Отрывок «Из воспоминаний о Максиме Горьком (1906—1911 гг.)» К. П. Злинченко — «Красная новь», 1928, № 6, стр. 163, 165—169 и 171.

Кирилл Павлович *Злинченко* (1870—1947) — один из организаторов «Международного комитета помощи безработным рабочим России» (создан 10 марта 1906 г. в Лозанне). В 1908 г. Злинченко был секретарем этого Комитета; старый большевик; печатался в журн. «На литературном посту», работал в РОСТА, Музее революции, в Истпарте.

Деятельность Комитета и, в частности, Злинченко вызывала недовольство и нападки. Так, 23 июня (6 июля) 1906 г. в газете «Двадцатый век» (№ 85) была опубликована следующая заметка «От Международного комитета помощи русским безработным рабочим»:

«Ввиду того, что безосновательные инсинуации, распространяемые по адресу члена Международного комитета, казначая К. Злинченко, могут вредно отразиться на делах Комитета, последний считает нужным опубликовать нижеприводимое заявление:

Женева, 26 VI <19>06

Я считаю себя нравственно обязанным заявить здесь, что поведение бывшего политического ссыльного, писателя Кирилла Павловича Злинченко не дает решительно никаких оснований, чтобы заподозрить его политическую честность.

Г. Плеханов»

Комитет выразил уверенность, что заявление «парализует инсинуации, всегда сопровождающие всякое новое живое общественное дело». Заявление подписали члены Комитета: Горький, Леонид Андреев, проф. Николай Герцен, Р. А. Герцен и др.

Встреча Злинченко с Горьким и Андреевым состоялась 20 марта 1906 г. в отеле Монт-Флери (Глион). Вскоре, 26 апреля 1906 г., Андреев писал Злинченко: «Наше положение с Горьким в Комитете безработных чисто пассивное, уже по одной той причине, что Горький в Америке, а я завтра буду в России. Поэтому желательно: 1) чтобы наши имена не вышлрли вперед как имена учредителей, организаторов; 2) чтобы ни в каком случае программа деятельности не выходила за пределы намеченных рамок, то есть помощи рабочим, оставшимся без работы. Густое смазывание политикой нежелательно и вредно, так как расходится с основной задачей; для политики же и политики большой существуют другие организации. К пожертвованиям, кроме рабочих, желательно привлечь и умеренных, а этого не будет, если деятельности Комитета вы придадите вызывающе боевой характер. Деятельность Комитета — это деятельность санитаров на поле сражения, и воинственность ему не к лицу.

С этой точки зрения я считаю излишним обращение Комитета к редакции и особенно в такой прокламационной форме; и вообще все, что выходит за пределы собрания пожертвований для безработных, — излишне.

Так как на этих днях я уезжаю в Россию и больше мне не придется говорить по этому поводу, то я просил бы вас отнестись к этому письму как к выражению моих желаний и моих планов касательно деятельности Комитета. В том случае, если программа в каком-либо отношении изменится, я попрошу вас вычеркнуть меня из членов Комитета. К таким изменениям я отношусь, между прочим, выступление Комитета как лица, по каким-либо иным вопросам, кроме помощи безработным.

Думаю, что Горький будет вполне согласен со мною.

В частности, относительно вашего протеста против американцев, я, конечно, ничего не могу иметь, но если вы спрашиваете меня о форме, — такая форма не годится, ибо сама по себе представляет некоторый, хотя и благосклонный суд над Горьким и его отношениями с Марией Федоровной. Да и вообще протест, по моему мнению, должен опираться на факты, а сообщения газет о Горьком, раздутые и в значительной части лживые, не могут считаться таким фактом*.

Еще раз заявляю: я решительно против каких бы то ни было прокламационных воззваний и против того, чтобы наши имена выдвигались вперед как имена организаторов. Кстати, я считаю совершенно ошибочным газетную заметку о том, что теперешний Комитет безработных развится от прежнего и преследует какие-то свои определенные задачи...» (письмо написано рукою А. М. Андреевой. Подпись: «Уважающий вас Леонид Андреев» — автограф. — Фотокопия. ЦГАЛИ).

¹ Сергей Васильевич *Мальшев* (1874—1938) — один из старейших деятелей революционного движения, большевик; переписывался с Горьким, был с ним в хороших отношениях. Сотрудничал в «Правде»; автор воспоминаний о Ленине. В 1920-е годы перешел на хозяйственную работу; был председателем и организатором первой советской нижегородской ярмарки; отсюда и название «красный купец».

² Воззвание к рабочим Европы, не только отредатированное Горьким, а фактически заново написанное им, было напечатано в Бюллетене «Международного социалистического бюро» а также в «Красном знамени» (Париж), 1906, № 1, апрель, стр. 157. Фотокопия его хранится в Гос. Историческом музее (Москва), ф. 429, ед. хр. 79, л. 11. Приводим его текст:

«К рабочим Европы

„Лозаннско-международный комитет для помощи русским безработным рабочим“, — вашим братьям по труду и единству цели — обращается к вам, рабочие Европы, с горячей просьбой: помогите русскому народу вашим посильным моральным и материальным содействием!

Рабочие всего мира должны помогать друг другу в общем для всех деле — освобождения труда от гнета капитала и насилия власти! Эта взаимная помощь сольет их во единую неодолимую силу и ускорит победу справедливости над произволом, правды над ложью, человека над животным. Русский рабочий народ решил бороться до полной победы над своим врагом. Помогите ему ускорить битву!

Максим Горький, Леонид Андреев, Алекс. Амфитеатов,

Кирилл Злинченко, Николай Бак

Лозанна, 2-го апреля н. с. 1906 г.».

³ Горький принял участие в работе издательства Международного комитета, предоставив для его литературно-художественных сборников два рассказа: «Солдаты» и «Федор Дядин» (написанный специально для сборников).

* Письмо Злинченко к Андрееву не сохранилось, но ясно, что речь идет о намерении Комитета выступить с протестом против преследования Горького в Америке. — А. Н.